

МАРИНА

ЦВЕТАЕВА

МАРИНА

ЦВЕТАЕВА

Марина Ивановна Цветаева
Несбывшаяся поэма
Серия «Поэмы»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=175868

*Марина Цветаева. Собрание сочинений в 7 томах. Том 3. Книга 1.
Поэмы. Поэмы – сказки: Терра, «Книжная Лавка – РТР»; Москва; 1997
ISBN 5-300-01389-7, 5-300-01284-X*

Аннотация

Марина Ивановна Цветаева (1892 – 1941) – великая русская поэтесса, творчеству которой присущи интонационно-ритмическая экспрессивность, парадоксальная метафоричность.

Марина Цветаева

Несбывшаяся поэма

Будущее – неуживчиво!
Где мотор, везущий – в бывшее?
В склад, не рвущихся из неводо
Правд – заведомо-заведомых.
В дом, где выстроившись в ряд,
Вещи, наконец, стоят.

Ни секунды! Гоним и гоним!
А покой – знаешь каков?
В этом доме – кресла как кони!
Только б сбрасывать седоков!

А седок – знаешь при чем?
Локотник, сбросивши локоть —
Сам на нас – острым локтем!

Не сойдешь – сброшу и тресну:
Седоку конь не кунак.
Вот о чем думает кресло,
Напружив львиный кулак.

Брали – *дном*, брали – нажимом —

Деды, вы ж – вес не таков!
Вот о чем стонут пружины —
Под нулем золотников

Наших... Скрип: Наша неделя!
...Треск:
В наши дни – много тяжеле
Усидеть, чем устоять.

Мебелям – новое солнце
Занялось! *Век* не таков!
Не пора ль волосом конским
Пробивать кожу и штоф?

Штоф – истлел, кожа – истлела,
Волос – жив, кончен нажим!
(Конь и трон – знамое дело:
Не на нем – значит под ним!)

Кто из вас, деды и дяди,
В оны дни, в кресла садясь,
Страшный сон видел о стаде
Кресел, рвущихся из-под нас,

Внуков?
Штоф, думали, кожа?

Что бы *ни*— думали зря!
Наши вещи стали похожи
На солдат в дни Октября!

Неисправимейшая из трещин!
После России не верю в вещи:
Помню, голову заваяя,
Догоравшие мебелиа —

Эту — прорву и эту — уйму!
После России не верю в дюймы.
Взмахом в печь —
Развеществлялась вещь.

Не защищенная прежним лаком,
Каждая вещь становилась знаком
слов.
Первый пожар — чехлов.

Не уплотненная в прежнем, кислом,
Каждая вещь становилась смыслом.
Каждый брусок ларя
Дубом шумел горя —

И соловьи заливались в ветках!
После России не верю в предков.

В час, как корабль дал крен —
Что ж не сошли со стен,

Рушащихся? Половицей треснув,
Не прошагали, не сели в кресла,
Взглядом: мое! не тронь!
Заледеня огонь.

Не вещи горели,
А старые дни.
Страна, где всё ели,
Страна, где всё жгли.

Хмелекудрый столяр и резчик!
Славно – ладил, а лучше – жег!
По тому, как сгорали вещи,
Было ясно: сгорали – в срок!

Сделки не было: жгущий – жгомый —
Ставка очная: нас – и нар.
Кирпичом своего же дома
Человек упал в пожар.

Те, что швыряли в печь —
Те говорили: жечь!
Вещь, раскалясь как медь,

Знала одно: гореть!

Что не алмаз на огне – то шлак.

После России не верю в лак.

Не нафталин в узелке, а соль:

После России не верю в моль:

Вся сгорела! Пожар – малиной

Лил – и Ладогой разлился!

Был в России пожар – молиный:

Моль горела. Сгорела – вся.

* * *

Тоска называлась: ТАМ.

Мы ехали по верхам

Чужим: не грешу: Бог жив,

Чужой! по верхам чужих

Деревьев, с остатком зим

Чужих. По верхам – чужим.

Кто – мы? Потонул в медведях

Тот край, потонул в полозьях.

Кто – мы? Не из тех, что ездят —

Вот – мы! а из тех, что возят:

Возницы. В раненьях жгучих
В грязь вбитые за везучесть.

Везло! Через Дон – так голым
Льдом! Брат – так всегда патроном
Последним. Привар – несолон,
Хлеб – вышел. Уж так везло нам!

Всю Русь в наведенных дулах
Несли на плечах сутулых.

Не вывезли! Пешим дралом —
В ночь – выхаркнуты народом!
Кто – мы? Да по всем вокзалам...
Кто – мы? Да по всем заводам...

По всем гнойникам гаремным, —
Мы, вставшие за деревню,
За дерево...

С шестерней как с бабой сладившие,
Это мы – белоподкладочники?
С Моховой князя, да с Бронной-то,
Мы-то – золотопогонники?

Гробокопы, клополовы —
Подошло! подошло!
Это мы пустили слово:
– Хорошо! хорошо!

Судомои, крысотравы,
Дом – верша, гром – глуша,
Это мы пустили славу:
– Хороша! Хороша —
Русь.

Маляры-то в поднебесьице —
Это мы-то – с жиру бесимся?
Баррикады в Пятом строили —
Мы, ребятами.
– История.

Баррикады, а нынче – троны,
Но всё тот же мозольный лоск!
И сейчас уже Шарантоны
Не вмещают российских тоск.

Мрем от них. Под шинелью рваной —
Мрем, наган наставляя в бред.
Перестраивайте Бедламы!
Все малы – для российских бед!

Бредит шпорой костыль. – Острие! —
Пулеметом – пустой обшлаг.
В сердце, явственном после вскрытья,
Ледяного похода знак.

Всеми пытками не исторгли!
И да будет известно – там:
Доктора узнают нас в морге
По не в меру большим сердцам!

* * *

У весны – ни зерна, ни солоду,
Ни ржаных, ни иных кулей.
Добровольчество тоже голое:
Что, весна или мы – голей?

У весны – запрягать, так лешего! —
Ничего кроме места ввысь!
Добровольчество тоже пешее:
Что, весна или мы – дрались?

Возвращаться в весну – что в Армию
Возвращаться, в лесок – что в полк.
Доброй воли весна ударная,

Это ты пулеметный щелк

По кустам завела, по отмелям...

Ну, а вздрогнет в ночи малыш —

Соловьями как пулеметами

Это ты по ..... палишь.

Возвращаться в весну – что в Армию

Возвращаться: здорово, взвод!

Доброй воли весна ударная

Возвращается каждый год.

Добровольцы единой Армии

Мы: дроздовец, вандеец, грек —

Доброй воли весна ударная

Возвращается каждый век!

Но первый магнит —

До жильного мленья! —

Березки: на них

Нашивки ранений.

Березовый крап:

Смоль с мелом, в две краски —

Не роща, а штаб

Наш в Новочеркасске.

Черным по белу – нету яркости!
Белым по черну – ярче слез!
Громкий голос: Здорово, марковцы!
(Всего-навсего ряд берез...)

Апрель – май 1926